

ЗА БЕГУЩИМ ДНЕМ

(«Школьные повести» Владимира Тендрякова)

Владимир Федорович Тендряков родился в декабре 1923 года в деревне Макаровская Верховажского района Вологодской области. Война для него началась наутро после школьного выпускного вечера, и он, семнадцатилетний, ушел на фронт. Воевать ему довелось недолго, но в пору войны самую тяжелую. В 1943 году под Харьковом он был тяжело ранен и демобилизован.

Так началась его, как говорили тогда, жизнь «на гражданке». Понятно, что никакой профессии к тому времени у него не было, и он пошел преподавать в школу то, что знал и умел,— военное дело. Здесь же, в Подосиновском районе Кировской области, станет он затем работать секретарем райкома комсомола.

В 1945 году Тендряков стал студентом Московского института кинематографии, а через год перешел в Литературный институт имени М. Горького, который и окончил в 1951 году.

С этих пор начал он работать в литературе. Сначала журналистом. Темы и сюжеты его очерков, а затем рассказов и повестей чаще всего связаны с опытом прежней жизни писателя.

Произведения В. Тендрякова почти всегда вызывали острые споры. Желая поспеть «за бегущим днем» (именно так называлась одна из первых его повестей), он нередко опережал события, ставил вопросы, к обсуждению которых читатель еще не был готов. Прежде всего, это трудные проблемы деревенской жизни послевоенных лет, проблемы, в которых как нельзя более тесно взаимосвязаны экономика, идеология и нравственность. В центре внимания писателя нередко руководитель (председатель колхоза, секретарь райкома или комсомольский работник), становление его характера, явные и скрытые мотивы поведения и поступков, система отношений его с простыми тружениками и «начальством».

Писатель, как правило, не предлагал однозначных ответов. Конечно, далеко не все из написанного В. Тендряковым выдержало проверку временем, но несомненно, что многие его вещи сегодня звучат на редкость злободневно.

Особое место в творчестве Тендрякова занимали произведения, посвященные школе, проблемам образования и воспитания, учителю и ученику.

Уже в первой своей повести на эту тему («За бегущим днем», 1959) он публицистически страстно ставил вопрос о необходимости коренной перестройки всей системы школьного обучения. Тендрякова воднудют и собственно школьные проблемы (кто, что

и как преподают в ней), но, главным образом, то, как готовит школа молодого человека к встрече с жизнью. Правдиво ли, глубоко ли, убедительно отвечает она на жгучие вопросы, которые возникают у входящего в жизнь молодого человека.

Потребность в перестройке, или, как мы говорим сегодня, в форме, школы давно назрела. Свидетельство этому — и судьбы людские, о которых поведал Тендряков в своих повестях «Весенние перевертыши» (1973) и «Ночь после выпуска» (1974).

В этом же ряду можно рассматривать и повесть «Чудотворная» (1958), хотя здесь ставятся вопросы особые, далеко выходящие за рамки узкошкольных. Такова, впрочем, вообще установка и особенность Тендрякова-писателя: очеркист и социолог, анализирующий тот или другой участок жизни, очень органично сочетается в нем с художником, который подводит к весьма широким обобщениям и выводам.

В самом деле, как получилось и кто виноват в том, что герой «Чудотворной», двенадцатилетний советский школьник из села Гумниши Родька Гуляев, стал вдруг носить нательный крестик и напряженно размышлять над тем, действительно ли нет бога, или он все-таки есть.

Повесть Тендрякова убеждает в том, что однозначного ответа на эти вопросы не существует. Сюжетно предшествовала возникновению этого душевного Родькиного конфликта находка иконы: Родька вытащил ее из полусгнившего ящика, который он обнаружил на берегу реки. Мать и бабка его, а за ними и другие пожилые сельчане стали видеть в Родьке «избранника божьего» и своего «праведного отрока» и также требовать, чтобы вел он себя соответственно своему новому призванию. Но были и другие, подспудные, может быть, не всегда видимые героями повести причины.

Но мы, читатели, не только видим их, понимаем, но обязаны говорить о них вслух, говорить, чтобы не повторить более в своей, может быть, жизни этих ошибок.

Итак, во-первых, влияние семьи. Мы видим, что заставило обратиться к молитве Варвару, мать Родьки. Тут и воздействие старухи матери, и трудности военной и послевоенной жизни, и одиночество, всевозможные страхи, связанные с ним (отец Родьки не живет с ними).

И еще: так уж складывалась у Варвары ее жизнь, что как человек она никому особенно не была интересна, никто не попытался узнать, о чем думает она и что чувствует. «Все — от колхозного бригадира Федора до районного начальства — только приказывали: борони, жни, коси по возможности быстрей, по возможности лучше, не рассуждай лишка, без тебя разберемся. Помнили: она — рабочие руки в колхозе, а то, что она, кроме того, еще и человек, часто забывали. А Варвара была не из тех, что могла доказать: она способна думать.<...>

А тут еще война. Тут еще неудача с мужем, вечный мелочный страх перед завтрашним днем. Так ли уж нужно винить ее, что она бросилась искать спасения у бога?»

Во-вторых, следует помнить и о школе: как и чему она учит и как воспитывает. И дело не только в том, что «школа учит одному, семья же — совсем другому». Слова эти принадлежат учительнице Парасковье Петровне, и мы понимаем, что относятся они не только к семье Родьки. Не менее важно и то, кто учит.

На селе любят и уважают Парасковью Петровну, она живет здесь и учительствует уже тридцать лет. Не скрывает своей сим-

патии к ней и автор, ему явно по душе ее поистине подвижническая деятельность. Но вместе с тем дает понять Тендряков и другое. Портрет этой сельской учительницы весьма красноречив: сурово обошлось с ней время и обстоятельства сельской жизни. Много приходилось ей работать на полях и фермах, мал был ее досуг, который позволял ей самой учиться, расти духовно и профессионально. Понятно, почему так не смотрится она в своей, такой, казалось бы, привычной школьной обстановке: «Объемистая, в вылинявшем жакете, она среди всей обстановки — письменного стола, дивана, жиденького стула, приставленного к стене,— казалась неуклюжей, случайной, грубой, человеком, которому место где-то возле скотного двора, на поле, а не в тесном кабинете».

Да, человек Парасковья Петровна надежный, трудолюбивый и душевный, но все же невольно думаешь и о том, как и чему учила она своих учеников. И не о ней одной, Парасковье Петровне, начинаешь печально размышлять, когда знакомишься с такой, можно сказать, убийственной характеристикой ее педагогической деятельности: «...из года в год в определенный день повторяла то, что в тот же день, в тот же час говорила другим поколениям. И так тридцать лет!»

И в школе, и дома Родька Гуляев и его друзья были представлены сами себе: им не знаком индивидуальный подход и какие бы то ни было серьезные, по душам, разговоры, которые выходили бы за рамки учебников и программ и затрагивали бы вопросы не только быта, но и бытия человеческого.

Не мал ли Родька годами для таких мыслей и бесед? И да и нет. Раньше он никогда ни о чем таком не думал, жил как жилось. Но когда найденная им икона возбудила разговоры о боге, стал задумываться и он. И прежде всего, потому, что смутно чувствовал: голое отрицание, как и бездоказательное утверждение, ничего тут окончательно не решают. «Тыщи лет люди в бога верили,— думает он.— Не все же тогда были дураки. (...) Бабка верит, а Парасковья Петровна нет... Парасковья Петровна умней бабки. Ну а Лев Толстой, он книжки писал, он и Парасковьи Петровны умней был. Непонятно все...»

Желая уберечь Родьку от религиозных воздействий, Парасковья Петровна вступает в спор со священником отцом Дмитрием, которому найденная чудотворная икона позволяет активизировать проповеди. В лице учительницы он встречает достойного антагониста, и все же удовлетворения она не испытывает, ибо понимает, что соперник он многоопытный, хорошо умеющий работать на душе ближнего, умело пользоваться всякого рода упущениями неповоротливых и равнодушных пропагандистов. Только равнодушием к человеку можно объяснить то, что гумнищинский колхоз никак не соберется построить клуб, а его библиотека ютится в одной комнате с секретарем сельсовета. Равнодушие это многолико: никто и никогда, как уже говорилось, не пожелал заинтересоваться тем, что на душе делается у такой труженицы, как Варвара, никто не проявил заботу и о Парасковье Петровне. Из года в год ходит она, уже не молодая женщина, в далекий райцентр пешком, и ходит-то по делам общественным. И конечно, обидно видеть ей, что вот у отца Дмитрия есть своя лошадка и она позволяет ему всюду и везде успевать с проповедями (кстати сказать, именно отец Дмитрий проявил заботу о Парасковье Петровне: усадил к себе на телегу и довез до райкома партии).

В райком за помощью Парасковья Петровна отправляется не только из-за Родьки Гуляева. В последнее время все чаще стали всплывать и другие «глухие случаи». «В прошлом году в деревне Пятидымке открылся родничок со «святой водой». Зимой комсомолка Фрося Костылева уехала из Гумнищ в соседний район Ухтомы и там венчалась в церкви... А крещение детей, а пьяные престольные праздники!..»

Надо ли говорить, что за каждым из этих случаев угадывается хорошо поставленная деятельность служителей культа, того же отца Дмитрия. В споре с ним Парасковья Петровна прямо заявляет об этом. Речь идет, в частности, о матери Родьки, которую она когда-то учила и которая теперь вместе со старухами заставляет своего сына носить крестик.

«Я учила Варвару Гуляеву, — говорит Парасковья Петровна, — чтоб она умела во все вникать, обо всем самостоятельно мыслить. Я хотела, чтоб она стала человеком с широким кругозором, с сознательной верой в будущее. А вы... сумели навязать ей свою веру при которой не нужно думать, не нужно рассуждать. {...} С войны в гумнищинском колхозе стало труднее жить. Как поправить положение? {...} Один ответ: на то божья воля. И так во всем и всюду — умственная слепота. А от слепоты, от неизвестности появляется чисто животный страх перед жизнью».

Много правды в этом страстном обличительном слове Парасковья Петровны. Но за всем тем чувствуется и другое: не может она не осознать, что значительную часть вины должны взять на себя и школа, и колхозная общественность, и районная советская партийная власть.

Да, она, Парасковья Петровна, действительно учила Варю Гуляеву «во все вникать, обо всем самостоятельно мыслить». Но так было в школе, в школьные годы.

А в той жизни, с которой столкнулась та после школы, многое обстояло иначе. Выше уже приводились эти слова: «Все — от колхозного бригадира Федора до районного начальства — только приказывали: борони, жни, коси... не рассуждай лишка, без тебя разберемся».

Вот это «без тебя разберемся» привело к тому, что люди отвыкли самостоятельно думать и принимать решения, привыкли всегда и во всем, в большом деле и мелочах полагаться на какое-то начальство. Мы видим, как в райкоме партии, куда приехала Парасковья Петровна, «слоняются» приезжие из каких-то отдаленных колхозов (это в пору горячих дней весеннего сева), они «привезли с собой кучу неотложных вопросов и теперь недоумевали, на голову какого же начальника свалить их».

Что же, собственно, произошло и как это все связано с Родькой Гуляевым, с тем, что домашние его надели на него крестик и не разрешили носить пионерский галстук?

Произошло своеобразное перераспределение обязанностей, а лучше сказать — подмена их. Учитель ушел из класса и библиотеки на фермы и поля. Туда же ушли и работники райкома партии. «Хотите верьте, хотите нет, — говорит заведующий отделом пропаганды, — нам обычный доклад по международному положению сделать некогда, все время съедают горячее для тракторов, овес для лошадей...» Понятно, что в подобных условиях такие, как Родька Гуляев и старшие и младшие его, остались как бы на положении беспризорных (за ним

ведь и дома некому присмотреть, не говоря уже о том, чтобы ответить на вопросы для него жизненно важные).

Ситуация создалась, мягко говоря, парадоксальная: специалисты (агрономы, механизаторы, учителя) за решением своих, узкопрофессиональных вопросов стали обращаться к работникам райкома партии, а те, решая их, перестали уделять внимание своим собственным вопросам — социальным, политическим, идеологическим.

Заслуживают внимания самокритичные признания заведующего отделом пропаганды Кучина и полемические возражения ему Парасковьи Петровны.

Он сетует: «Когда мы говорим, надо поднять урожайность, плохо ли, хорошо, мы знаем как... Но вот говорят: разверните антирелигиозную пропаганду. Как ее развернуть? Начать высылать лектора за лектором... Во-первых, на такие лекции ходят обычно неверующие. Во-вторых, если верующие и придут, то одними лекциями их не вылечишь.

— Так почему же вас не беспокоит такая беспомощность? Вы заведующий отделом пропаганды и агитации, вы партийный представитель в районе, почему я до сих пор не слышала вашего тревожного голоса? Почему вы занимаетесь горячим, овсом... и забываете позаботиться о самом важном — о сознании людей?»

Правда в этом случае, конечно же, на стороне Парасковьи Петровны. Но беда в том, что сама-то она пришла за советом в райком партии, а лучше сказать — за решением своего вопроса, профессионального (ведь Родька Гуляев ученик ее класса). И тут уже прав Кучин, справедливо замечая Парасковье Петровне:

«Таких, как вы, Парасковья Петровна, по нашим деревням и селам разбросаны сотни: учителя, агрономы, врачи. Нас в райкоме единицы, вас армия. Почему бездействуете?..

— Кто-то должен поднять эти сотни. Скажите нам — пора! И мы поднимемся...

— Команды ждете. А эти старухи, наверное, не ждали команды, когда слетались к чудотворной. Надо, чтоб антирелигиозная пропаганда стала неотъемлемой частицей совести каждого мало-мальски культурного человека.»

Спор этот выявил взаимные претензии, но результата положительного не имел. Символично в этом смысле окончание их беседы: мы видим, что Кучин вновь обращается к «проталкиванию» чисто производственных вопросов. В кабинет к нему вошли парни, которые бродили по коридорам, и Парасковья Петровна услышала:

«Ребята, милые! Я же вам говорил: не в моих силах достать транспорт! Понимаю, понимаю вас! Ну хорошо, давайте позвоним Егорову...»

По-своему символично и возвращение домой Парасковьи Петровны. Пока они с Кучиным выясняли отношения, Родька Гуляев, не найдя ни в ком надежной опоры, отчаявшись, бросился в реку и чуть не утопился.

Итак, есть у Родьки Гуляева дом, ходит он в школу, много вокруг него всяких дядей и тетей, которые призваны думать и заботиться о нем, а получилось так, что в трудную минуту жизни обратиться ему не к кому...

И вот это душевное одиночество роднит героя повести «Чудотворная» с Дюшкой Тягуновым, тринадцатилетним героем другой повести В. Тендрякова — «Весенние перевертыши».

Много разных событий, веселых и грустных, произошло за короткое время в жизни Дюшки, много удивительных открытий сделал он за несколько дней, а еще больше возникло у него трудных, просто-таки неразрешимых вопросов. И мучается он с ними один, точно так же как Родька Гуляев.

Взрослые, в том числе и родители Дюшки, не интересуются его наблюдениями и проблемами; его внутренним ростом, друзья, как Минька Богатов, не понимают его.

Все открытия и неожиданные превращения, а также события, полные драматизма, происходят у Дюшки как-то вдруг, за какое-то мгновение.

К примеру, давно уже он заметил, что Наталья Гончарова, жена Пушкина, похожа на кого-то из знакомых. А сейчас взгляделся «и вдруг понял: Наталья Гончарова похожа на... Римку Братеневу!». На девочку, которая была старше Дюшки на год и училась на класс выше. От радости, что догадался, он высочил на улицу, а там «за эти пятнадцать минут что-то случилось. Небо, солнце, воробьи, девочки — все как было, и все не так. Небо не просто синее, оно тянет, оно засасывает... Солнце вдруг косматое, непричесанное, весело-разбойное... И по живой земле прыгают сухие, пушистые... воробьи, ругаются надсадно, весело, почти кто понятно».

Наступила весна, неуловимо изменился взгляд на вещи, заметно обострилось восприятие. Так, и прежде Дюшке неприятен был Санька Ераха, и он старался не появляться там, где тот выдумывал свои странные игры (кто кошку подбросит выше всех или кто пескаря живого съест). А теперь он просто возненавидел Саньку, когда увидел, как тот принуждал ребят, младше и слабее себя, разбивать лягушек об стену сарая.

И больше того, он вступился за своего друга Миньку и бросил вызов жестокому и более сильному Саньке. «Жестко округлив нечистые зеленые глаза, опустив плечи, отведя от тела руки... Санька двинулся на Дюшку... Дюшка быстро нагнулся, выковырнул из-под ног кирпич...

— Ну?.. — сказал Дюшка. — Давай!

И всеильный Санька отступил.

Дюшка победил, но радости он не испытал никакой, напротив, ему захотелось плакать. «Санька теперь не даст проходу И Минька предал. И Миньку Санька все равно заставит убить лягушку. Хотелось плакать, но не от страха перед Санькой и уж не от жалости к Миньке — так ему и надо! — от непонятого. Сегодня с ним что-то случилось».

Что?

Кого спросить? Нет, нет! Нельзя! Ни отцу, ни матери, если только большому крану...

И Дюшка почувствовал вокруг себя пустоту — не на кого опереться, не за что ухватиться, живи сам как можешь. Как можешь?.. Земля кажется шаткой»

В чем же дело, почему нельзя рассказать родителям и при чем здесь... кран?

Семья у Дюшки, если смотреть со стороны, вполне интеллигентная и благополучная. Отец у него инженер по механической выгрузке леса, мать — врач. Сына своего они, понятно, любят, очень увлечены своей работой. И как раз эта вот увлеченность характеризует их не только с положительной стороны, в особенности — отца. Он из тех людей, для которых работа — всё, они о ней думают и говорят непрестан-

но и ни на минуту не сомневаются, что столь же интересна она и для всех других людей. Нельзя не увидеть в этом одну из разновидностей эгоизма, нравственную неразвитость и глухоту. Ведь такой человек, как правило, помнит и слышит только себя. Все это хорошо чувствует и понимает Дюшка, не случайно у него не появляется желания поделиться своими открытиями и переживаниями, родителям явно не до него.

«Дома шел разговор. Как всегда, шумно говорил отец, как всегда, о своем большом кране. (...)

У матери остановившийся взгляд, направленный куда-то внутрь себя, в глубь себя. Она неожиданно перебила отца:

— Федя, ты не помнишь, что случилось пятнадцать лет назад?

— Пятнадцать лет?.. Гм!.. Пятнадцать... Нет, что-то не припомню...

(...)

— Пятнадцать лет назад, Федя, в этот день ты мне поднес... белые нарциссы, помнишь ли?..

(...)

— Мы вместе, Вера. Пятнадцать лет...

— А вместе ли, Федор? Краны, тягачи, кубометры, инфаркты, нефриты — гора забот между нами. Чем дальше, тем выше она... Федя, ты мне уже никогда больше не дарил цветов...

(...)

Мать и отец даже не заметили вернувшегося с улицы Дюшку, никто не спрашивал его, сделал ли он домашние задания.

Итак, семья, но у каждого из них свой круг интересов, радостей и забот. Вот и Дюшка, он явно слышал, что сказала мать отцу о белых нарциссах (позднее он еще напомним о них отцу), но и он погружен в свой мир мыслей и чувств. Он снова и снова рассматривает портрет Натальи Гончаровой и думает о Римке Братеневой.

Потом будет еще одно открытие: Дюшка увидит, как идет и проходит время и как меняет оно все вокруг. Но и о нем он найдет возможным рассказать только несмышленому Миньке (беседы об этом и мироустройстве вообще состоятся с самым умным в школе Левкой Гайзером чуть позже).

Все эти наблюдения и открытия, а также конфликтные ситуации, в которые все чаще начинает вступать Дюшка, говорят о росте души, о развитии и становлении его характера. Особенно способствуют тому ситуации неоднозначные, когда приходится решать вопросы сложные. Так, раньше, например, Дюшка не думал, что можно кого-то обидеть, рассказывая о том, какой он счастливый и как он любит своих родителей. Впервые понял это Дюшка, когда увидел плачущего Миньку. Стыд, который он испытал, побудил его продолжить размышления: почему не ладится в семье Миньки? Отец его, поэт-неудачник, давно и безответно любит свою жену, а она тяготится его любовью, не может простить ему, что он неудачник. Но в целом они хорошие, добрые, интеллигентные люди. И так и сяк пытаются решить они эту проблему.

« — Как же так, Дюшка: мамка хорошая, папка хороший, а дома плохо, хоть беги!

Дюшка растерялся: случается ли, что хорошие люди творят плохое? Было бы куда проще найти виновника».

Несколько иначе начинает смотреть Дюшка и на своих родителей, на их отношение к нему. Серьезно помогает тому посещение их семьи

учителем математики Василием Васильевичем. Впервые в жизни Дюшка стал свидетелем того, как его отцу, такому большому и умному, читали нотацию.

« — Хочу сказать, Федор Андреевич, — голос Василия Васильевича стал тверд, лицо величественно, — что когда вы в ущерб семье с раннего утра до позднего вечера пропадаете на работе, то не считайте — мол, это так уж полезно для общества. Обществу, уважаемый Федор Андреевич, нужно, чтоб вы побольше отдавали времени своему сыну, заражали его тем, чем сами богаты...»

Вольно и невольно Дюшке приходится то и дело сопоставлять и сравнивать своего отца с Минькиным, Никитой Богатовым. И Дюшка, и Минька все время пытаются определить для себя, что у их отцов хорошо и что плохо. Помогают им в этом познании их матери. Причем у каждого из мальчишек в этом смысле свой путь.

Дюшка больше всего другого ценил в своем отце ум, смелость и силу. А Минька сильнее всего страдал оттого, что отец его чересчур добр, застенчив, безволен. И вот постепенно жизнь вносит свои поправки и уточнения.

Выясняется, что сила и смелость могут, оказывается, граничить с черствостью и самоуверенностью. Это начинает если не понимать, то очень верно чувствовать Дюшка. Поначалу он только сильно раздражен и возмущен тем, как это его отец не может по достоинству оценить Никиту Богатова и разглядеть, какой плохой Санька Ераха. А ведь это так очевидно: именно Минькин отец, такой застенчивый и нерешительный, в самый трудный момент пришел на помощь Дюшке в его столкновении с Санькой. Не менее ясно и другое, почему у Дюшки такая ненависть к Саньке: «Родился непохожий на других — мучает кошек, бьет лягуш. И не в кошках, не в лягушках дело, а в том, что он любит мучить и убивать. И это страшное «любит» почему-то никого не пугает...»

Еще и раньше Дюшка видел, что о некоторых вещах отец судит несколько прямолинейно, каких-то тонкостей не понимает или не хочет понять. Позиция матери в этом смысле была ему зачастую ближе. Так было, например, когда родители стали говорить о смерти, о том, в частности, хорошо или нет иметь какую-либо лазейку от смерти. Мать полагала, что хорошо, и Дюшка тоже так думал. Отец с ними не согласился. Суждение его — это суждение человека, привыкшего всегда и во всем опираться на здравый смысл, и по существу тут нечему возразить. И все же можно отметить, что оно чересчур правильно, что ли. Это понимает мать Дюшки, отсюда ее ирония и улыбка, с которыми она относится к отцовскому высказыванию.

« — Меня лично, — говорит он, — смерть не пугает! Сколько мне там отпущено природой — шестьдесят, семьдесят, больше лет? Они для меня только и важны. Уж их-то я постараюсь использовать. Я за свое время успею наследить на земле. А смерть придет — что ж... Потусторонним спасать себя не стану.

Отец стоял посреди комнаты, расправив широкие плечи, вскинув большую взъерошенную голову, с обветренным, крепким, словно вычеканенным из меди лицом, — сам себе бог. И у матери впервые за этот вечер обмякли сплюснутые губы, дрогнули в улыбочке.

— Счастливый, — сказала она.

— Да! — с жаром ответил отец...

— Но коза бабки Знобшиной счастливее тебя. Она живет себе и знать не знает, что существует такая неприятность, как смерть».

Полная противоположность отцу Дюшки — Никита Богатов, отец Миньки: вечно во всем сомневающийся, мнительный, полностью в себе разуверившийся, безвольный и несчастный. Все эти качества не из тех, что вызывают симпатию, особенно у мальчишек. Но Дюшка готов понять, что Никита Богатов заслуживает сочувствия, защиты и уважения. И прежде всего потому, что человек он совестливый, деликатный, тонкий, легкоранимый. Именно в этом пытается убедить Дюшка и своего отца, и Миньку. Не встречает понимания Никита Богатов и у своей жены: ей тяжела не только его любовь, которую она не разделяет, но и жизненные принципы мужа. Очень поразному смотрят они, к примеру, на пути к счастью человека и, в частности, своего сына. Поздравляя Миньку с днем рождения, отец говорит ему:

« — Ты радуешься новой куртке, сын. Радуйся, но помни — ни куртка, ни любая другая вещь не делает человека счастливым. Люди наделали много вещей, полезных, помогающих удобно жить, но счастливей от этого не стали...

— А я, сынок, — подняла рюмку мать, — пью за то, чтобы стал ты нормальным человеком... Хочу... чтоб у тебя в жизни было побольше маленьких радостей, хотя бы таких, как эта новая куртка...»

Две позиции, полярно противоположные: духовно просветленная и мещанская. Определить их так Дюшка, конечно же, не может, но предпочтение он отдает отцу Миньки. На его стороне Дюшка и в том разговоре, что состоялся у Никиты Богатова с Тягуновым-старшим.

Дюшка много сделал для того, чтобы состоялось знакомство их с Минькой отцов. Ему очень хотелось, чтобы его сильный, влиятельный и удачливый отец как-то помог Никите Богатову. Именно так, несколько не сомневаясь в том, понял свою задачу и Федор Андреевич Тягунов.

И вот, слушая его не столько уверенный, сколько самоуверенный монолог, Дюшка начинает сомневаться в том, что Тягунов-старший способен оказать нужную помощь.

« — Странная ты личность, Никита. Я не говорю плохая — странная.

— Не стоит со мной церемониться, Федор Андреевич.

— Церемониться не собираюсь, но и зря обижать не хочу. Кто ты? Для меня загадка. Образован, начитан, умен ведь, а поставить в жизни себя не сумел. Пружины в тебе какой нет, что ли?..

(...)

— Ну что?.. Что?.. На что я способен?..

— Эт-то, друг, мы еще посмотрим. Виноваты — мимо глядели. Увидели, теперь возьмемся. Я возьмусь! Я из тебя человека сделаю!

И Дюшка насторожился. Он сидел, молчал, слушал, внимательно слушал. Последние слова отца — «человеком сделаю» — напомнили ему слова матери: «Наш отец любит ковать счастье несчастным на их головах. Не заметит, как человека в землю вобьет от усердия». Как бы нечаянно отец не вбил в землю Минькиного отца.

Шаг за шагом, как видим, Дюшка Тягунов учится понимать и постигать и непростые жизненные ситуации, и сложные характеры окружающих его людей.

И пожалуй, самым важным на этом его пути познания было то, что он научился слушать и слышать собеседника или просто рядом живущего человека, осознал, сколь сильно нуждается он в этом. Так, видя, что Федор Андреевич не слушает Никиту Богатова, Дюшка

пытается вмешаться в их беседу. И когда в ответ на это отец отсылает его спать, Дюшка говорит:

« — А помнишь, мамка жаловалась, что ты ей всего-навсего один раз цветы подарил?. А ты не понял»

Трудные вопросы задает своим героям В. Тендряков. Но если они не всегда могут ответить на них, то мы, читатели, сделать это обязаны. Мы обязаны услышать боль писателя за человека и понять, что волнует его наше будущее. А дорогу к сердцу читателя Тендряков выбирал всегда трудную. Он никогда не стремился сгладить острые углы, убрать или приглушить драматизм жизненных коллизий. Он показывает, как именно маленький герой входит в большой мир, как открывает его для себя и как, в свою очередь, этот мир входит в душу ребенка, определяет строй его мыслей и чувств, закладывает основы характера будущего взрослого человека, гражданина.

В. Гречнев,
доктор филологических наук